

Михаил ЕФИМОВ
СКОРЛУПА

16+

@ЭЛИТА

Михаил Ефимов

Скорлупа

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29855638
Скорлупа: Аэлита; Екатеринбург; 2017

Аннотация

Эта повесть – история части жизненного пути главного героя, человека с тонким психологическим миром. Ему не удаётся найти любимую женщину по причинам, ему мало подвластным. Выявлению этих причин и борьбе с ними и подчинены действия героя.

Депрессивная психологическая повесть о поиске любви, с теориями, выводами.

Михаил Ефимов

Скорлупа

© ЭИ «@элита» 2017

* * *

Кураж. Он, как известно из классики, самое главное. Работа лилась бурной рекой, как всегда, всё удавалось с первого раза. Иногда было непонятно, как всё так хорошо получалось. В душе пели птицы, особенно старался соловей – он выдавал весёлые цветные рулады о том, что ожидает меня потом, спустя несколько мгновений, и так каждую минуту. А потом ждал триумф. Домой летел, как на крыльях... было лето... в душе... как и всегда. Ключ весело лязгнул. Жена бросилась на шею, смотря горящими влюблёнными глазами. В голове затуманилось, из груди, из самого солнечного сплетения, ударил вверх горячий поток тепла, нежности, любви... всё остальное отошло на дальний план... да и это «всё» было вообще не нужно.

Вот таков был мой мир грёз. Был... иногда... приходил фантазией на минуту и уходил, силой забирая с собой этот розовый сон... но надежда оставалась, всегда.

Разговор во сне со святым.

– Значит, ты хочешь счастья? А ты считаешь, что заслужил его, хотя бы частично?

– Но ведь я знаю многих, которые ещё меньше достойны, тем не менее их любят и боготворят их прекрасные половины, причём эти половины идеальны во всех отношениях. Так вот, Бог с вами, я о таких девушках и не мечтаю, мне не нужно самого лучшего, идеального, мне просто надо, чтобы и сердце, и голова сказали «да». А то сердце-то может потянуться, а голова отговаривать, или наоборот.

– Хорошо, я объясню тебе, глупому. Есть несколько вариантов. Во-первых, природное и небесное равновесие накладывает такие условия: кто-то один в паре вытягивает второго. Здесь имеются в виду внешность, душа, совесть, характер, то есть столпы человеческого бытия.

Как правило, в большинстве пар они дополняют друг друга, то есть в чём-то один выше, и он вытягивает другого, в чём-то другой – первого, в итоге обе половинки становятся целым и подходят друг другу, как пазлы.

Ну и, как в каждом законе, есть исключения. Это когда пары одинаковы и подходят друг другу абсолютно во всём. Они так же, как и ты, хотят любить и быть любимыми, и получают это сразу или пройдя какой-то путь. Но эти исключе-

ния даются только тем, кто заслужил, то есть людям, чистым душой и помыслами. И раз ты требуешь от судьбы женщину красивую, добрую, умную, то ты сам должен ей соответствовать, особенно в душевных качествах. Чистые светлые мысли без капель эгоизма, добрая душа и, главное, не слишком высокие требования счастья для себя в виде красивой, доброй, умной... Вот ты много делал людям хорошего, ты бросаешься самоотверженно на помощь? Видишь, ты не достиг этой вершины, ты только в пути.

Есть и ещё один момент. Счастье часто получают те, кто не ищет любовь так неистово, кто не налегает на просьбы всей своей тяжестью и силой мысли. Хотеть, конечно, надо, надо пробовать и систему вселенского равновесия шевельнуть. Но потом следует отойти, надо дать ей самой восстановить гармонию, а не напирать всё сильнее и сильнее. Поэтому везёт в любви часто тем, у кого счастье в другом, кто вполне гармоничен и без любви и страсти.

Ну а раз ты не можешь ослабить своё желание, раз налегаешь на систему всё сильнее и сильнее, то ты должен учитывать те факторы, что любовь тебе так просто не дастся, как, например, тому, кто к любви так не стремится.

– Что же мне делать, сердцу и душе не прикажешь, желание счастья любви только увеличивается, я не в силах приказать ему.

– Вот тебе совет: ты можешь не ослаблять свой напор, но ты должен заслужить право на счастье. Например, ты не

должен желать слишком многого, пойми, ты недостоин. Не имеешь ты права на идеальное счастье с идеальной женщиной. Довольствуйся малым, выбери самое главное, например, остановись просто на хорошем и умном человеке, не требуй ещё и кристальной доброты, идеальной глубокой красоты, изюминок. Или выбери только внешность, а на внутренний мир закрой глаза. Хотя, я уверен, первый вариант намного предпочтительнее, во всяком случае, для тебя. Ты же требуешь всего, вот тебе и не дают, отодвигают твоё счастье дальше во времени, пока не изменишься, пока не взберёшься на эту гору. А на этот момент ты такого исключения не заслужил.

– Ну, дайте мне хоть что-нибудь, хоть частичку этого долгожданного счастья, мне будет достаточно.

– «Хоть что-нибудь» для тебя тоже будет счастьем, а ты, повторюсь, его не заслужил. Хорошо, объясню с другой стороны – вот тебе ещё один совет. Для создания гармонии полное счастье во всём даётся, как я говорил, только избранным – это исключение. Большинство имеют только часть его, в каких-то одних сторонах жизни, в других же не имеют.

Поэтому чистую любовь получают те, у кого понятие «счастья» не только в этом, дабы оно у этих людей не было совсем полным. А у тебя, в чём счастье?

– В основном, в любви.

– Ну, вот ты и ответил сам. Совет такой: найди счастье в другом, и равновесие даст тебе эту часть счастья под назва-

нием «любовь»... ведь часть ты вполне заслужил.

– Я бы хотел полностью, ведь моё желание чистое – оно без примесей материальных благ.

– Хорошо, мы можем пойти тебе навстречу, попытаемся тебя очистить и сделать достойным, но это тяжело и больно. Мало кто в твоём возрасте способен кардинально менять мировоззрения, характер, душу в короткие сроки. Но пока что готовься: твоё семейное счастье будет отодвигаться и отодвигаться во времени, а ты не будешь понимать причин... ведь встреча с Ней давно должна была произойти... но не произошла, не без нашей помощи.

Я проснулся. Стояла ночь, тёмная, жуткая... но мне было не страшно. Сон был как наяву, я чувствовал, что он не ушёл, а где-то рядом. Интуиция требовала не забывать, не оставлять попытки продолжить диалог с невидимым... и я крикнул, мысленно, конечно:

– Эй, меня там кто-нибудь слышит?! Я хочу счастья, я буду делать то, что надо, только направляйте! Я постараюсь быть чище и в то же время требовать меньше.

Ангел-хранитель:

– Дайте ему, он же молит!

Там:

– И не проси, он недостойн высокой любви, грехи на нём есть. А искупление после жизни – не его путь, он должен

за всё заплатить здесь. Поэтому, чтобы дать ему чистоту и счастье, его надо очистить.

Ангел-хранитель:

– Очищайте!

Там:

– Ему будет очень больно. Ты думаешь, он выдержит?

Ангел-хранитель:

– Выдержит! Больнее жить всю жизнь без эмоций и чувств. Этого он точно не заслуживает. Очищайте!

– Хорошо, просьба будет исполнена. Но скажу сразу: мы будем его «бить», издеваться над душой и желанием любви до тех пор, пока он не станет более чёрствым. Пока его душа не будет вымотана, пока не потеряет романтические мечты и надежду на быстрое сказочное счастье. И кстати, пусть не думает, что только любовными терниями закончится, ему припасены испытания в разных направлениях, например, в работе. Ведь раз у него такие претензии на счастье, мы дадим ему пройти те жизненные испытания, где надо доказать, что он достаточно сильный и не свернёт с выбранного пути.

Как только это произойдёт, баланс будет восстановлен, и только тогда он получит то, о чём грезил и на что уже не будет так уверенно рассчитывать.

* * *

Психику, видимо, мне от рождения дали тонкую, почти не

терпящую давления и жестокости. Правда, со временем она немного видоизменилась: теперь и давление, и жестокость я мог терпеть, но только в тех случаях, где у меня был, как я его называл, иммунитет. Если я к чему-нибудь или к кому-нибудь прилагал душу, открывал её, в этом случае иммунитета не было, и этот кто-то или что-то – имеется в виду случай – мог сильно меня ударить. Но во всех остальных примерах меня задеть было нельзя. Скажем, если я поворачивался к человеку всей душой, открывался ему, подавая себя на блюдечке, то он мог меня так больно «ударить», что «встать на ноги» я мог только через несколько недель. Правда, это бывало редко и являлось результатом моей ошибки в этом человеке. Все же остальные люди боль причинить мне не могли. То же самое и в работе. Если я знал, что делаю её не совсем корректно, то любое давление и плохое отношение со стороны начальства воспринималось спокойно. Но если я точно был уверен в своей правильности и даже получал доказательства своей правоты от самих результатов работы, то несправедливое ко мне отношение могло также вызвать нервный срыв.

В детские годы я был замкнутым. К себе мальчик с большими, вечно грустными глазами допускал только близких. Любая попытка определить меня в детский садик или лагерь воспринималась, как желание взрослых отдать на растерзание или посадить в тюрьму. То, что другими детьми воспринималось весело и радостно – общение с себе подобными,

смена обстановки, – для меня было сущим адом и испытанием. Я обязательно должен был чувствовать рядом с собой родного человека, иначе душа со страхом пряталась, уверенная, что сейчас ей обязательно будут делать больно. Правда, к тем, кто часто был рядом, я постепенно привыкал и принимал в свой круг, так появлялись друзья.

В подростковые годы я резко изменился. Людей, которых я подпускал вплотную к своей душе, стало очень много. Можно сказать, что я сам очень хотел раскрыться каждому встречному. Я навёрстывал упущенное. Видимо, очень хотел показать, что я необычный, что меня можно и надо любить, хотя и непонятно пока, за что. Это было хорошо, пока компания, в которой я вращался, состояла из людей, бережно относящихся к такой открытой душе. Такова была моя первая школа. Но потом, велением судьбы, я очутился в школе совсем другой, с людьми, коих в нашем жестоком мире большинство. Теперь, я думаю, так и надо было, а то что за размазня бы вышла. Именно они дали начало к обучению того, что надо закрываться от некоторых людей, чтобы на них наплевать, чтобы они становились для меня нулём, просто никем, и тогда их «удары» не приносили никакого вреда.

Со временем людей, меня окружающих, становилось всё больше и больше. У меня появились десятки знакомых, друзей, причём все эти люди настолько отличались друг от друга, что одни никак не могли бы предположить, что я также дружу и с другими. А если бы узнали, то очень удивились.

Такая «неразборчивость» была, скорее всего, результатом желания расширить круг общения, иметь максимальное количество друзей и знакомых. Но вовсе не потому, что мне не хватало общения, а просто хотелось, чтобы абсолютно все вокруг были друзьями, а врагов не было вообще. Этакая трусость иметь ссоры, проблемы, негативно настроенных против меня людей. Ведь враг будет наносить удары в ранимую душу, чего дико не хотелось и вызывало страх.

Зато после этого я научился прекрасно, легко, без напряжения общаться в совершенно разных компаниях, по всей длине социальной лестницы, начиная от утончённой интеллигенции и заканчивая практически гопниками. В любой такой компании или тусовке я чувствовал себя и общался на их уровне. Причём не играл, а просто переходил в другое состояние. Видимо, все эти состояния... ипостаси... во мне мирно уживались... ну, может, и не совсем мирно, но им приходилось. Поэтому одни компании были, несомненно, предпочтительнее других, но из каждой я почерпывал что-то очень нужное мне.

Получается, что я прошёл все части моего смешанного последующего психологического состояния по порядку. Сначала замкнутость, потом открытость... ну совсем противоположные вещи... но я должен был их пройти, ведь эти противоположности потом будут мирно во мне соседствовать.

И вот наконец всё стало по-другому. Я научился управлять этим процессом, да и циничности стало чуть больше.

Мне было необходимо только расставить правильно приоритеты, понять, а точнее, внушить себе, к кому стоять лицом, а к кому спиной. Правда, душа не всегда слушалась доводов мозга. Поэтому самое главное было уговорить её согласиться с приоритетами, им выбранными. Процесс часто бесполезный, но зато когда душа получала пару раз от правильно выбранного мозгом врага, то она уже не так удивлялась и быстро соглашалась отвернуться и закрыться. К сожалению, были и ошибки – мозг-то тоже мой, а не Зигмунда Фрейда.

Возможно, именно это умение закрываться и дало почву для появления «скорлупы», то бишь замкнутости и отрешённости от всех. В неё я потом стал уходить не только когда меня пытаются «бить», а просто для ощущения безопасности, что потом стало неотъемлемой частью жизни.

В основном «скорлупа» нужна, когда я либо в центре внимания, либо в компании не совсем близких или довольно агрессивных людей. Некоторым открывать душу не было надобности, так как их общение сводилось к красивым колкостям и стёбу друг над другом. Обычный разговор был им неинтересен, так как не нёс в себе позитивной информации, не давал блеснуть ярким интеллектом и главное не имел за собой последствий душевного характера. Хотя не откажусь от того, что мне такой способ общения позже тоже стал нравиться, но только если оппоненты были давно знакомыми людьми. Очень смешно – хоть я и знал, что стёб это их конёк, на котором они давно скачут наперегонки друг с другом, но

боялся их обидеть. Мои смешные объяснения, что именно я хотел сказать, они называли оправдыванием совсем не нужным и считали меня наивным, простодушным и интеллектуально медлительным – таким добрым тюфяком. Естественно, они не понимали, что в таком расслабленном состоянии, по необходимости душевного отдыха, я нахожусь только с ними. А в другой компании – малознакомой, я собран, нервы натянуты, в голове мелькание образов и всех оттенков нашей беседы... И только близкие друзья знали горящую душу, быструю реакцию на любые темы, способность легко перескакивать с темы на тему за доли секунды и смотреть на привычные и стандартные вещи со стороны, как бы сверху, «взлетая» над самим собой. Иногда два оппонента, которые либо говорили об одном и том же, но с разных сторон; либо, наоборот, отвечали совсем не в тему друг другу и от этого ещё больше запутывались и злились. Так вот, слушая их, которые никак не могли договориться друг с другом, я понимал обоих, и иногда, если хотел, мог легко подправить русло их беседы в нужном направлении.

Ещё я не терпел лжи. Не любой, конечно. Если человек меня в чём-то обвинял, чего на самом деле не было, меня захлёстывала волна несправедливости, с которой я почти не мог справиться. Хотя иногда и мог сдержаться. Но если мой обвинитель был полностью уверен, что я негодяй, и с пеной у рта это доказывал, тут плотину терпения прорывало, и пока я не доказывал обратное, не успокаивался. Самое смеш-

ное, что я над собой в это самое время посмеивался со стороны, вместе с теми, кто подшучивал над моей привычкой оправдываться, и даже презирал себя за такой примитив вербального общения. Ведь обычно у нормальных людей всё наоборот: большинство спокойно переносят беспочвенные обвинения, зная, что это чушь, а раздражаются только когда обвинения попадают в цель. Эта глупая привычка провоцировала близких знакомых на колкости, в надежде услышать мои «оправдания». Но на меня это не действовало, я знал неискренность их обвинений, и всё сводилось к шуткам. То есть я, может, и оправдывался, но уже подыгрывая.

Тем не менее эти близкие люди мне были нужны. Из-за частых нервных нагрузок и срывов, или от чрезмерной чувствительности, или благодаря уготовленному пути, мне постоянно требовался душевный покой, который, соответственно, зависел от окружающих. Поэтому я никогда не лез на рожон, даря им свои спокойствие, добрую душу, понимание, хорошее отношение, и то же самое ожидая от них. Но в то же время душа была полна контрастов: с теми, кто мне совсем не нравился, я не собирался либеральничать, дипломатия в этих случаях не для меня. Минимум – я всем своим видом показывал своё отношение к ним, а максимум – с упрямством шёл на сильную конфронтацию. И за это упрямство частенько страдал.

Но не только потребность в покое накладывала привычку быть со всеми в хороших отношениях. Был в душе ещё один

нестандартный уголок. Я не мог причинить боль другому. Просто физически не мог. Это мне противоестественно, ведь любая боль, причинённая человеку, воспринималась мною как своя собственная. Мало того, мне легче перенести свою собственную боль, чем причинённую другому по моей вине. Сказав что-то такое, от чего собеседник начинал тяжело переживать, я чувствовал, как боль накатывает на него волной, как сжимает горло. В этот момент наши души сливались, и если человек поглубже, то мне было даже больнее, ибо моя душа слишком восприимчивая. А ведь бывало и по-другому, что я зря мучился – тот, кому я ненароком сделал больно, и не думал переживать, а я сам себя так накручивал, что скорее получалось, что это он меня обидел.

Зато эта гиперчувствительность ко всем деталям дала мне и некоторые преимущества: я с детства мог чувствовать людей примерно как вкус пищи. Кое-что я мог облечь в словесную форму, если поднапрячься, но в большинстве случаев то, что я чувствовал, было только для меня – попробуй описать вкус пищи, не используя гастрономических понятий. Потом это вылилось в умение читать по лицам, поведению, жестам... та же особенность имелась и у моей матери. Видимо, не без генов обошлось.

Я с юных лет болезненно ненавидел несправедливость во всех её проявлениях. Без малейшей предрасположенности к жестоким решениям проблем, то есть насилию, драке, мне искренне хотелось дать в морду человеку, который при мне

даже случайным действием обидел более слабого. Причём не во всех случаях надо задеть какую-то мою струнку критериев, построенных душой самостоятельно – в некоторых, в других стандартных ситуациях, это не работало. В таких случаях ярость накатывала белыми раскалёнными волнами, ведь это покушение на самое святое, на мою самую болезненную струнку – на незащищённость слабого человека. В эти моменты я становился не собой, возможно, моя потенциальная скорпионья жестокость и агрессивность, которую мне подарили знаки Зодиака, но которые жизнь глубоко упрятала, вылезали наружу.

Самое интересное, что лично на меня это не распространялось: меня могли обидеть, ударить, и злость если и приходила, то потом. Но вот другого... здесь включалось что-то болезненное, и в такие моменты очень хотелось стать Воландом из бессмертного произведения.

И всё же хоть душа и очерствела по сравнению с подростковой незащищённостью, сентиментальность во мне оставалась до самого зрелого возраста. Например, многие дурацкие сентиментальные фильмы, которые должны у меня, как и у всех неглупых людей со здоровым чувством юмора, вызывать смех, выбивали у меня слезу. При всём при этом другая часть головы, где сидел здоровый человек, в это время смеялась над первой.

В конце концов все эти метаморфозы моего внутреннего мира сделали со мной необычную для нашего времени

вещь. Они перечеркнули для меня все возможности проявления эгоизма и нарциссизма... мне кажется, это синонимы. С юных лет у меня не было открытых и сильных проявлений любви к себе. А модная фраза «себе любимому» у меня вызывала раздражение или отвращение. Но это и не означало, что я себя принижал. Просто я относился к себе адекватно – за что-то уважал, за что-то ненавидел. А так как был несовершенен, то ненавидимых черт или поступков было больше. Я всегда смотрел на себя как бы сверху, с чужой точки зрения, то есть делал то, что большинство людей делать не хотят, дабы всё время чувствовать себя «на вершине» этого мира.

Может, они и правы. Когда-то одна девушка не захотела дарить мне свою любовь, решив, что отсутствие влюблённости в себя – проявление психических отклонений: жизненной слабости, неуверенности в себе и своих силах. А вот посмотреть с другой стороны – то, что человек с такими параметрами не будет эгоистом, коих в нашем мире пруд пруди, и то, что он всегда будет добиваться, чтобы ненавидимых качеств стало меньше, до полного исчезновения, об этом подумать у неё соображения не хватило.

В те юные годы я влюблялся чаще, чем ходил в кино. Влюблялся в любую, которая окажет мне внимание, поведёт себя тепло или проявит участие. О совместимости пары я тогда не знал. «Химия» всегда довлела над рассудительностью... да я и не думал в эти моменты, вопроса такого не сто-

яло. Наверное, поэтому мои отношения длились смехотворно коротко – неделя, месяц. Но с годами процесс постепенно начал меняться в сторону противоположную. Жизненный опыт с интеллектом росли, в любовные дела чаще стал вмешиваться мозг, а он, как известно, «химию» не терпит. И хотя душа по-прежнему оставалась жаждущей чувства, но при знакомствах в дело перво-наперво вступал мозг, а уж когда он давал добро, открывались ворота и для еле сдерживаемой любовной горячки. Она давно стояла за воротами «под парами» с готовностью броситься в бой. Правда, горячка была послабее.

Но знакомствам для отношений мешало не только это. В юности, при попытках познакомиться я чаще слышал отрицательный ответ, наполненный пренебрежением, презрением, а иногда и ненавистью типа «Отвали, я знаю, что вам всем надо! Все вы одинаковы». В этом в основном была заслуга моих знакомых и друзей, которым действительно только это и надо. А может, тот небольшой город, где я провёл большую часть юных лет, больше ничего мне предложить не мог – наверное, девушки слишком гордые там жили, я не знаю. Но благодаря таким обобщениям с женской стороны, у меня развился комплекс, и я боялся подойти на улице, подсознательно не веря в успех такого мероприятия. Такие удары по чувствительной душе и по самолюбию были очень болезненны, ведь это ложь: мне хотелось совсем другого.

И если сначала любовные отношения с противоположным

полом мне представлялись в основном как чистые, платонические, то позже пришлось научиться врать и хитрить – чистоты-то всё равно не получалось. Ведь реальный мир не соглашался с моими фантазиями, он состоял не только из поэтов.

Намного позже произошло качественное изменение в отношениях с женским полом. Правда, и тут не без зигзагов. Как человек необычный, достаточно интересный, добрый, с тонкой душой, я имел успех у прекрасной половины, но в основном в качестве хорошего друга. Как правило, красавицы сначала проявляли ко мне сильный интерес, но после более глубокого знакомства и общения, которое, кстати, я сам активизировал, они несколько разочаровывались. Не все, конечно, но именно те, которые нравились мне. Причина в основном была такая: настоящий мужик, по их мнению, должен интересоваться в основном зарабатыванием денег и автомобилями, а также иметь жёсткую душевную организацию, и желательно попроще. А остальные качества он может иметь как приложение к личности, причём необязательное. Именно это в биологии женщины вызывало уверенность в надёжности, поэтому я не совсем вписывался в их представления о мужчинах. И хотя моя надёжность проверена прежними долговременными отношениями и браками... но кто ж на слово-то верит – биология диктует мозгу правила. Хотя мои черты, отличные от многих, и вызывали женский интерес, но отойти от стандартных понятий большинство из них

не могли.

Но основной проблемой поиска было даже не это. Необходимость видеть рядом с собой красивую внешне и внутренним миром девушку в тот момент, когда я вынырну из омута влюблённости, – вот что оказалось самым сложным. Ибо в сам омут я мог нырнуть с любой, причём в первые же дни знакомства – такова моя влюбчивая сущность. Нырять надолго и с головой. А вот вынырнуть через какое-то время с уже успокоившейся от горячки душой и увидеть рядом совсем несимпатичного мне человека оказывалось самым страшным. Ведь после приходилось об этом человеку говорить... хорошему человеку, возможно, уже любящему меня... Это больно... и ей, и мне.

Зато – спасибо системе равновесия – мне везло с другой стороны. Если уж удавалось знакомство, то девушка была лапушкой – доброй, умной, самостоятельной, без малейшего намёка на меркантильность, а это сейчас большая редкость. Ведь само понимание, что ты для кого-то мужчина только до той поры, пока у тебя есть деньги, вызывало отвращение. А им ничего от меня не надо было, кроме любви и понимания, а надёжность они определяли не первоначальными чувствами, а опытным путём, и именно это вызывало сильное желание дать им всё. Мне самому деньги практически не нужны, поэтому я готов отдать их любимому человеку без остатка, не чувствуя в душе никакой жалости к быстрому их исчезновению. Ответная любовь и благодарность в сотни раз важнее

и приятнее прямоугольной пачки бумаги.

Правда, такое моё пренебрежение к материальным благам и конкретно к банковским бумажкам имело и другую, странную сторону. Например, если человек был при этих бумажках, мне иногда хотелось не просто чем-то бескорыстно помочь, а чтобы ему захотелось после этого меня отблагодарить. И всё для того, чтобы красиво от его благодарности отказаться, рисованно показав себя таким святым. Ну не глупость ли? Такие вот метаморфозы сознания... а может, показуха, и для этой показухи необходим только один зритель — я сам. Правда, добро делать приятно в любом случае, я получал от этого удовольствие. Но часто после этого копался в себе: а не по причине ли показной гордыни или, наоборот, презрения к собственным желаниям, я сделал то или иное?

* * *

Самым спокойным местом было метро, в нём я полностью расслаблялся и уходил в себя. Мерный гул, отсутствие впечатлений и частой смены антуража, да и сами люди, находящиеся в одинаковых условиях задумчивой дрёмы. Там «скорлупа» давала время на отдых методом слияния с общей биомассой людей; в это время я не должен был себя защищать под маской жёсткости, скрывать ранимую впечатлительную душу и вообще думать в нелюбезном для меня направлении.

Метро. Нищий мужчина с характерной внешностью, но тем не менее приятного для глаза вида очень медленно, как будто тянул из меня жилы, прошёл мимо и остановился чуть поодаль, кто-то ему давал денег. Лицо благообразное, и к тому же я сразу увидел на нём печать доброты и душевной боли, на меня накатили жалость, желание отдать ему всё, но рациональная наработка оставила желание, так и не воплотив его в действие.

Когда это делали люди со злыми, глупыми или, ещё хуже, наглыми лицами, меня охватывали злость и отвращение к ним....

Всё же захотелось дать этому доброму жалкому человеку денег, но для этого пришлось бы пройти на виду у всех, через равнодушные к чувствам, но алчные к зрелищам взгляды, которые обычно пусто бродили по вагону и по сидящим соседям. Но стоило сделать что-нибудь из списка резких движений – поднять руку, передвинуться, подойти и во что-то внимательно взглядеться, только главное, чтобы резко – хищные взгляды, как клювы, впивались и не отпускали, пока не поймут причину движения или не увидят конечную стадию. Так было всегда, если вагон шёл полупустой.

Молодой парень прошёл мимо меня к нищему и дал денег, спокойно и уверенно. Но мне бы пришлось сначала вылезти из своей скорлупы обезличивания, слития с толпой и полного спокойствия. А ведь у парня такой скорлупы явно не было, ему и терять поэтому нечего. Это тяжело, в данный

момент выше моих сил – и я остался на месте со своей жалостью.

Из метро я выходил совсем в другой мир – в мир большого города, привычного Невского и спешащих задумчивых людей. Я, как и они, шёл... нет, тащил сам себя на работу. Ведь работу, как и обещалось выше, в последнее время можно приравнять к аду. Именно из-за этого с утра ещё дома вибрировало всё внутри и передавалось кончикам пальцев. Я всегда предвкушал, что меня ждёт. Но не будем останавливаться и сравнивать работу с личной жизнью – для меня приоритеты давно расставлены.

* * *

Моя бывшая жена меня по-настоящему любила, как и я её. В самом начале наша любовь напоминала феерию, взрыв чувств, очень долгое время спавших и ждущих освобождения. Потом спокойную довольную жизнь, постепенно нисходящую к сплошным недовольствам. Стало понятно, что мы с ней не можем идеально сойтись по причине разных социальных ступеней и, соответственно, разных интересов, разного юмора, стиля общения.

При расставании чувства хлынули новой волной, но было поздно. Это похоже на отрывание куска тела – пока он есть, он не замечается, но оторви его, и ты поймёшь, как к нему привык и как больно без него. С ней было то же самое: рас-

ставаясь, мы оба стонали. Был и положительный для меня момент, правда, очень постыдный. Её оставшаяся любовь ко мне много лет помогала пережить одиночество. Ну и, конечно, с моей стороны было то же самое. Ведь, зная, что тебя любят, пусть даже очень далеко и пусть даже без бешенства и огня, а спокойно и тепло, от этого всегда легче. Подло? Но я успокаивал себя тем, что к ней я имею такое же тепло, и, возможно, это тепло спасёт её в нужную минуту.

И хоть наши с ней отношения до конца жизни остались, как у брата с сестрой, всё же, так как инициатором развода был я, стало понятно, что теперь лёгкой любви я в ближайшее время не получу, мне придётся отработать боль бывшей жены своей болью.

И поэтому встреча со следующей героиней была для меня неожиданностью.

История первая

Встреча с ней была для меня неожиданностью. Я уже совсем разуверился кого-то найти среди недалёких, грубых душой и от этого постоянно весёлых и счастливых девушек. Да и для счастья-то им надо немного: сводить погулять в яркое и шумное место, как ребёнка, купить дорогую погремушку, рассказать сказки на ночь... в общем-то, и всё.

Но с ней мы были одинаковы. Наши часовые беседы на философские и психологические темы начались с самого

первого дня и продолжались до самого последнего. Мы спорили, ругались, потом просили друг у друга прощения... но нам было интересно, мы жили, мы познавали мнение друг друга. А зачем ей и мне нужен собеседник без собственного мнения и горячности? В этих спорах я чувствовал её ум с претензией становиться ещё умнее.

Мы оба жили в «скорлупе», только её «скорлупа», в отличие от моей, была более прочной, темной и страшной. Если я мог покинуть свою «скорлупу» и подолгу там не появляться, то она должна была туда возвращаться периодически, как домой. Мне кажется, что её «скорлупе» больше бы подошла метафора четырёхугольной темной комнаты.

Фантазия каждого зрелого человека обычно рисует ему в сознании какой-то образ внешнего и внутреннего мира своего избранника, навеянный долгими размышлениями. Так вот, при первой встрече мне казалось, что образ её не тот, что грезился последние годы. Хотя и замечу, что от её богатого, глубокого внутреннего мира, который отпечатался в лучистых глазах, я сразу был в восторге. Но судьбе и сердцу не прикажешь, как говорится, любят вопреки, и я влюбился... это произошло уже на второй встрече. С этого момента меня стало тянуть к ней как магнитом. Я не хотел... не мог быть без моей возлюбленной даже минуты, мне становилось плохо, когда её не было рядом. Душе моей стали необходимы её глубина, рассудительность, серьёзность со взрывами веселья, может, даже небольшая внутренняя грусть и скром-

ная милая улыбка – всё то, что так гармонирует с моим характером и без чего чувства давно не появляются.

Над ней довлела стихия Воздуха. Она ни с кем не могла подолгу быть рядом. Друг ли это был или любимый – ей необходимо было уходить в свой мир, покидать надолго этих людей, и она сама не знала, когда вернётся. Если бы я тогда это знал... нет, не бросил бы, а изменил бы линию поведения, подстроился бы... она так была несчастна и так мила. Конечно, друзья ей требовались, как и всем людям, но в малых дозах – только по порыву души, который довольно быстро растворялся во мгле её сознания.

Ещё сладкая свобода... она была ей необходима на протяжении всей жизни, в том числе и семейной. Единственный способ добиться её желания не уходить и быть постоянно вместе – это разбудить в ней сильное чувство любви... или хотя бы влюблённости, но тогда только на время. Мне вначале как раз это и удалось: чувства и желание ко мне, но на время...

Был и ещё способ – делать что-нибудь необычное, фееричное, постоянно подогревая её интерес, что, впрочем, не разнится с обычными женскими желаниями. Но что взять с меня, привыкшего долго жить в «скорлупе» депрессии? Я не мог мгновенно перестроиться и не понимал, как это ей необходимо. Да и она сама представлялась мне, напротив, стремящейся к спокойствию, а не к активу. Поэтому я медлил со своими фантазиями, не торопил, да и возможностей по вре-

мении было мало... и, конечно, в итоге опоздал.

– ... Пустота, она выгрызает меня изнутри, оставь меня на время, не спрашивай... мне это необходимо, – тихо говорила она, когда какие-нибудь внешние факторы волей-неволей становились катализатором страшного душевного процесса. Это было больно слышать – когда любимой не нужна твоя помощь, всегда больно.

С этой трижды проклятой пустотой она давно не пыталась бороться, а лишь отходила в сторону и просила близких подождать, пока холодный ужас не ослабит свою хватку. Хотя нет, одиночество, отрешённость, видимость свободы в паре с замкнутостью были её оружием и давали ей временное облегчение. Именно туда она и уходила от нас, любящих её.

Я мечтал её вылечить, думая, что моя любовь и близкое, родственное знакомство с депрессией и будут лучшим инструментом для лечения.

Я очень боялся перемены её настроения, которое она не могла контролировать, и уж тем более этого не мог сделать я. Но я так к ней тянулся... Это походило на жаждущего пить человека, которому дали кипяток – я должен был пить... я пил... но всё время обжигался, перехватывал, жадно прихлёбывал... опять обжигался, но не в силах был бросить. Только эта жажда была любовная. Поэтому и не в силах был её бросить – не только от жажды, но и от неординарности, от её пьянящего зова и душевного аромата. И всё же я её любил, и поэтому одновременно боялся как человека, могущего легко

причинить мне боль, ведь вся моя логика была беззащитна перед её порывами, а значит, и я со своими чувствами был полностью беззащитен.

Ну, а причины такого её поведения можно легко объяснить, объединив старика Фрейда с её подростковыми воспоминаниями, но я не вправе вас в это посвящать... она была несчастным человеком, как и я – это нас объединяло.

Но почему же я пишу один негатив, у вас сложится неверное представление. Наравне с её необычностью, тонкой, сломанной, но какой-то сказочной психикой, у неё была и другая сторона. На удивление, она сочетала сильную материалистичную основу, такую же сильную, как женское или мужское начало. И это начало было таким же мощным, как и та, сломанная сторона натуры. Как правило, люди с ломаной психикой идут по жизни маргиналами – нищими сумасшедшими художниками, писателями, поэтами без крова и сил к полноценной жизни. Но она, клянусь, имела амбиции и способности, чтобы быть на самых высоких ступенях социальной и финансовой лестницы. Вся её внешность, походка, стиль в разговоре говорили об этом. Поверьте мне, я умею это видеть – её карьерное и финансовое будущее ясно светило на меня свысока. К тому же она была самородком из глубинки и, как Михайло Ломоносов, имела колоссальные способности к наукам. Всё, за что она бралась, фантастическим образом получалось у неё как нельзя лучше. Но если бы вы знали, как этот контраст меня притягивал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.